

В начале жизни

Кинорежиссер Динара Асанова — о героях фильма «Пацаны»

Картина Динары Асановой «Пацаны» вызвала горячие отклики самой широкой общественности. В интервью с режиссером задавались разные вопросы: насколько «документален» сценарий, где она искала ребят, как с ними работала... Но разговоры «вокруг фильма» уже не интересны Асановой. Она хочет говорить о том, что стоит за столь страстно выраженной в фильме эмоцией, — о сути. О сути проблемы, о судьбе ребят, играющих в картине самих себя.

— Термин «трудные подростки» придумали взрослые, — говорит Асанова. — И как бы отгородились от сложностей жизни этих ребят, сложностей, которые не идут ни в какое сравнение с нашими, возникающими при контакте с миром 14—16-летних детей. Я убеждена, что все дети рождаются одинаково хорошими, но рождаются одинаковыми. Наша традиционная система воспитания имеет одну трудность — общее стремление унифицировать, привести к общему знаменателю. Это очень заметно в школе, однако начинается все же в семье. Всадь именно родители, и прежде всего мать, должны открыть ребенку его самого, протянуть руку, дать направление движению, развитию... А происходит все иной раз совсем по-другому: взрослые методически, целенаправленно ограничивают индивидуальность ребенка. Они, порой не разобравшись, говорят ему: «Ты лжешь». А он всего лишь фантазирует, выражая себя.

Одиночество «трудных» детей, на мой взгляд, — открытие автора сценария фильма «Пацаны» Юрия Клепикова. Он считает, и здесь невозможно не присоединиться, что это общац наша беда, о ней надо говорить всерьез...

Думаю, что выход из такой ситуации один: должен быть человек, который отрицет свою личную жизнь, как наш Антонов в фильме, и займется одинокими ребятами. Размер беды требует

именно полного самоотречения. Таких людей пока единицы, но они есть. Мне очень дороги в сценарии слова о том, что у каждого ребенка должен быть взрослый, которому можно сказать «ты». Нормально, если это отец. Хорошо, если учитель, тренер, сосед... Главное, чтобы он без высокомерия всем своим поведением в общении с ребятами, своим существом будил в них веру в себя, любовь к себе — да поймут меня правильно! Чтобы он возрождал в них нравственное начало — не рассуждениями об абстрактном добре и зле, а на основе предельно конкретных и ясных истин. Когда появился сценарий про такого человека, да нет, просто — про человека, я не могла его не взять.

У нас в группе во время работы над картиной побывало очень много ребят. И среди них почти не было «отпетых». Но почти все были «зажаты» чувством своей отпетости. Мы начинали говорить с ними, и у них появлялась надежда. Важно было попытаться сохранить в реальных пацанах хотя бы минимум человеческих качеств, человеческих стремлений. И важно было суметь показать это в картине.

Тридцать пять основных исполнителей, около ста пацанов всего... Вовлекая их в работу над фильмом, Динара Асанова сама оказалась в положении героя картины Паши Антонова. И она действительно, как Антонов: вместе с единомышленниками из стемочной группы относилась к ребятам абсолютно честно и требовательно, без снисхождения и заигрывания. Пацанам было сказано, что они ответственные не только за себя, но и за людей, которые им поверили, которые ждут от них помощи в создании фильма. Нет, идиллии не было: за два месяца возникло пять-шесть конфликтов, но разве это много, если вспомнить, что в обычной семье с одним ребенком конфликты вспыхивают то и дело...

— Для нас было необычайно важно, — продолжает Динара Асанова, — почувствовать нас ребята — не почувствуют, примут — не примут, полюбят — не полюбят. Важно было найти верный тон в общении. А в том, что сами они сделают все, как надо, я почему-то не сомневалась. И ребята все сделали — об этом можно судить по картине. А вот переменилось ли что-то в них самих к лучшему — вопрос сложный... Каждый вечер мы, как и Антонов, думали: что доброго совершил каждый из наших пацанов сегодня? Было всякое. Но радовало, конечно, такое: парень, казалось, самый хулиганистый, вдруг принес горсточку земляники младшему. А один из самых молчаливых неожиданно сказал: «Даже если фильм не прогремит, его смысл в том, что вы хоть одному из нас помогли».

Тогда и мы думали, что помогли: открыли ребятам, что есть жизнь более острая и интересная, чем обыденная, а главное — на время вырвали их из состояния одиночества. Ведь они почувствовали себя в коллективе, занимаясь важным делом... Но вот все кончилось, как отрубили, — и лето, и лагерь, и кино. Что им делать дальше? Возвращаться к прежней жизни, унылость и бессмысленность которой, как нам хотелось верить, они уже успели если не понять, то почувствовать?

Как хочется сказать, что все наши ребята исправились, стали не «трудными». Однако будем честны: далеко не все. Разные истории у наших пацанов, всякое с ними случается. Мы стараемся помогать им, чем можем.

Асанова искренна, но скупа на слова — она помогает очень многим, ибо привлекает к участию в судьбах ребят педагогов, юристов, психологов, журналистов... Фильм окончен почти год назад, и фильм не окончен: круги соучастия и помощи распространяются, постоянно расширяясь.

— Да, я хочу, чтобы пацанов тянуло ко мне, — говорит Асанова. — Кстати, любопытная деталь. Когда я снимала «Ключ без права передачи», то ребята, которые там играли, — все из «благополучных» — ежедневно сидели у меня дома за чаем и разговорами до часу ночи, не забываясь, занята ли я, как себя чувствую... А пацаны вели и ведут себя совершенно по-иному: в гости придут только после пятого приглашения, долго сидеть себе не позволяют. Они более тактичны, более просты в общении, у них серьезнее жизненный опыт, позволяющий буквально чувствовать, что можно, а что нельзя, позволяющий верно определить дистанцию при контакте со взрослыми. Мы заметили, что после совместной нашей работы они стали мягче; их ощущение, что все взрослые — враги, сменилось более терпимым к нам отношением. Меня очень радует, что многие из наших ребят часто собираются, общаются между собой — значит теперь они ищут поддержку и друг в друге.

Мы взяли в картине только один слой. Но ведь есть еще и дети из «нормальных» семей, где матерям просто некогда поговорить с ребенком. А самое страшное — дети из не очень обеспеченных семей, но пытающиеся выгладеть таковыми. Тут-то порой и начинается зависть, ведущая к опустошению личности. Что скрывать, случается и такое... И все это — проблемы не столько кино, сколько самой жизни. А наш фильм... Что ж, фильм пройдет по экранам и оседет на полках... Дай бог, чтобы он расшевелил людей. Паши пацаны находятся в возрасте трудном, но и прекрасном. Человек в нем — как яблоко в цветке, как обещание плода... И потому еще есть надежда, что плод созреет для добра. А это во многом зависит и от нас.

Беседу вела
О. ШЕРВУД.

Сов. Россия, 1983, 3 нояб.